

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗГЛАГОЛЬСТВОВАНИЯ ПО ПОВОДУ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ВРАКИ

Вахтанг Кебуладзе

Поскольку стиль текста определён самим автором как «враки», то и в реакции на него, на мой взгляд, разрешительно позволить себе быть стилистически произвольным и не придерживаться канонов академической дискуссии. Поэтому не стоит рассматривать эти несколько страниц как осмысленную и обоснованную критику. Это скорее несколько замечаний из феноменологического угла современной философии. При этом феноменология понимается как проект принципиально антиметафизический, тогда как и философия Декарта, и интерпретация некоторых её положений Фурсом с этой точки зрения выглядят метафизично.

Позволю начать свои разглагольствования с исходного определения сознания, которое даёт автор в начале своей статьи: «...сознание представляет собой не некое антропологическое свойство, а совокупность рабочих процедур, обеспечивающих определённый режим генерирования философского знания...». Такое определение сознания как минимум редуцирует познание к философскому познанию, что в случае Декарта, по-видимому, означает познание научное. Таким образом, за бортом оказываются иные формы познания, как-то познание религиозное, художественное и повседневное. Сознание же, понятое как инстанция научного познания, и не может представлять собой ничего иного, кроме как «режима генерирования знания». Не говоря уже о том, что игра слов «сознание – знание» хотя и возможна в русском и немецком языках (соответственно «Bewusstsein – Wissen»), но уже весьма проблематична в английском (consciousness – knowledge), украинском (свідомість – знання) и т. д. Можно согласиться с тем, что у Декарта сознание выступает именно в такой роли. Хотя если учитывать «задвинутое» Хайдеггером в *Европейском нигилизме* предложение переводить *cogito* как представление (Vorstellung), а не как мышление, то следует признать, что уже картезианское понимание сознания не коррелирует с выше приведённым определением, ибо содержанием акта представления не обязательно должно быть знание. Если верить Хайдеггеру, сознание действительно является не «антропологическим свойством», а первичной онтологической структурой представления, в которой в свёрнутом виде уже присутствуют и представляющее, т. е. сознающий субъект представления, и представляемое, или представленное, т. е. осознаваемый объект представления. Хайдеггеровская интерпретация *cogito* весьма спорна, но, во-первых, обоснована некоторыми моментами учения самого

Декарта, который, как известно, к сфере *cogito* относил не только мышление, но и восприятие, во-вторых, даёт возможность разрешить психофизическую проблему и установить онтогносеологическое соответствие. В свете такой возможности «первичная сцена», на которой человек разбирается «с истиной лишь своими малыми силами из-за обманчивости всех внешних гарантий и пособий», выглядит весьма проблематично. В связи с этим возникает вполне обоснованный вопрос о том, с какой такой позиции можно оценить и осудить эту обманчивость именно как обманчивость. Не становимся ли мы таким образом заложниками иллюзии «задних миров»¹, о которой, ссылаясь на Ницше, пишет Сартр в начале *Бытия и ничто?* Не лишаем ли мы сознания почти всего, говоря об обманчивости его опыта, о призрачности мира, который оно непосредственно переживает, чтобы затем приписать ему же слишком много, а именно способность узреть эту обманчивость с какой-то иной позиции, прорваться к миру таким, каким он есть на самом деле? В этом Сартр и усматривает извечную метафизическую бинарность европейской философии. Её и призвана преодолеть феноменология учением о феномене как относительном абсолюте, сущность которого заключается в его кажимости. Здесь Сартр, по всей видимости, апеллирует к определению Хайдеггером в *Бытии и ничто* феномена как того, что само себе через само себя показывает.

Мне могут возразить, что я вместе с классиками феноменологии все ещё остаюсь заложником метафоры созерцания и, соответственно, оптической парадигмы, что неизбежно замыкает мои разглагольствования в солипсический круг философии сознания. Но предоставляет ли нам возможность разорвать этот круг апелляция к телесному опыту, а именно — к тактильной его составляющей? Не требует ли такая апелляция молчаливого признания метафизической двойственности мира (сознание — тело), которую и пытается тематизировать и преодолеть феноменология? Я всё же склонен рассматривать телесность не как субстанцию, противостоящую сознанию, а как структуру его опыта наряду с другими структурами, такими, кстати, как интенциональность. И действительно ли мы можем утверждать, что тактильный опыт, опыт касания, не имеет интенциональную структуру и при этом единственно в нём нам открывается мир как таковой. Во-первых, если учесть «задвинутую» Хайдеггером в *Основных проблемах феноменологии* и поддержанную Гильдебрандом в *Что такое философия?* встречную интенцию (*Gegenintention*), то это, с одной стороны, позволяет нам интенционально описать пассивное переживание касания, а с другой, подталкивает к тому, чтобы обратиться как к базовой к другой способности восприятия, а именно к слуху, или, как пишет сам Гильдебранд, к прислушиванию или вслушиванию (*lauschen*), в котором мир открывается нам таким, каким он есть. И всё же, дабы не впасть в метафизическую наивность и не разрывать мир на такой, какой он есть, и такой, каким он нам кажется, следует признать и вслушивание вслед за касанием структурой опыта сознания. Во-вторых, описание тактильного телесного опыта с точки зрения

феноменологии требует комплементарного описания движения. Из соединения этих двух структур опыта и рождается специфическое переживание живой телесности, которое Гуссерль называет кинестезисом. А движение несомненно имеет интенциональный характер. Неспособная к самостоятельному движению телесность – это уже не живое тело (*Leib*), а просто физическое тело (*Körper*), коснуться которого, конечно, можно, но само оно это касание не почувствует. Так что касание – это тоже в некотором смысле акт сознания, акт живого сознающего тела.

Все эти разглагольствования призваны лишь в очередной раз удостоверить необоснованность попытки разорвать первичное онтологическое единство сознания и мира. Если же эта попытка уже осуществлена, то любое восстановление этого единства, любое возвращение к протофилософскому опыту будут выглядеть весьма искусственными.

Примечание

- ¹ В украинском переводе эта иллюзия, кстати, передана как иллюзия «світу поза сценою», т. е. мира за сценой.